

Берлиозу, победившему время

Гектора Берлиоза одни называли "сумасшедшим от музыки", другие "гением, равным Бетховену", третьи — "жаворонком величиной с орла". И даже сейчас соприкосновение с его талантом вызывает ощущение парадокса. Поражаешься смелости, фантастической нестандартности его мышления: даже самый изощренный современный слушатель оказывается под впечатлением от стихийной силы воздействия музыки Берлиоза. Но одновременно осознаешь, что эта гениальная и "чудовищная" музыкальная стихия ни за что не привлечет "широких масс", к которым так стремился страдавший гений.

Из всего наследия Берлиоза в концертном репертуаре звучат, пожалуй, только "Фантастическая симфония", "Венгерский марш" и "Гарольд в Италии". Последний во многом лишь потому, что составляет основу репертуара концертирующих альтистов! Тем более нестандартно выглядел концерт, приуроченный к 200-летию со дня рождения Гектора Берлиоза. Этот вечер воплотил поистине наполеоновские планы музыкального руководителя Большого театра Александра Ведерникова, осуществлению которых оказала содействие "Дирекция концертных программ" Минкульта России. Мало кто из современных дирижеров отваживается на исполнение такой махины, как "Траурно-триумфальная симфония". Еще одна ставка была сделана на неизвестные страницы оперного наследия Берлиоза. Из хитов прозвучал только "Венгерский марш", все остальное даже для искушенной публики стало сюрпризом.

Открыла программу увертюра к опере "Беатриче и Бенедикт", написанной по комедии У.Шекспира "Много шума из ничего". Подобно диалогам двух главных героев комедии эта музыка избобует блестящими, перебивающими друг друга остротами, постоянно меняющимися темпами и характерами. В прозвучавших фрагментах оперы ведущие артистки труппы Большого сопрано Елена Вознесенская и меццо-сопрано Светла-

на Белоконов уверенно справились со всеми хитросплетениями и неудобствами вокального текста. Ошеломляющее впечатление произвела обработка "Марсельезы", которую Берлиоз сделал для трех солистов (к двум женским голосам присоединился тенор Франсуа Суле, открытый и сильный тембр которого словно специально создан для берлиозовских опусов), двойного хора, расширенного состава оркестра и, как свидетельствуют пометки самого композитора, "для всех, у кого есть голос и горячее сердце".

"Революционную" линию продолжила "Траурно-триумфальная симфония", ставшая кульминацией программы. Огромное количество инструментов (Берлиоз предусматривал по 20 кларнетов, валторн и труб, 24 барабана, 10 пар тарелок) при всем желании не могло бы уместиться на сцене Большого зала. Однако А.Ведерникову удалось объединить немногим меньшее число музыкантов, а расположенный на боковых "крыльях" амфитеатра хор, вступающий в третьей части, эффектно парил над огромным оркестром. Конечно, такая музыка написана не для концертного зала. Впервые прозвучавшая на массовом шествии, посвященном жертвам революции 1830 года, она адекватно воспринимается именно на "улицах и площадях" при огромном стечении народа, свято верующего в значительность события и в величие погибших героев.

Этой музыке подвластно управлять массовым сознанием, но вот только никто из придворных композиторов будущих тоталитарных режимов такого эффекта не достигал. Может быть, еще и потому, что эта "симфония" рождена духом не "революционным", но скорее бунтарским. Александру Ведерникову удалось не просто передать грандиозную, стихийную мощь симфонии, но и вдохнуть некий священный трепет перед ликом великого безумца, которому удавалось создавать первые музыкальные психоделические шедевры.

Борис МУКОСЕЙ

Кубебурра. — 2003 — 25 Дек. — с. 13